

П.В. Лукин

ЗАБОЖНИЧЬЕ. НОВАЯ ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ¹

Аннотация Статья посвящена упоминанию загадочного «забожничьего» в известии Новгородской первой летописи под 6736 (1228) г. Обе предлагавшиеся в историографии концепции, трактующие это слово (социально-правовая и религиозная) не выглядят вполне убедительными. Автор предлагает свою интерпретацию, основанную на максимально возможном учете исторических и лингвистических данных, и приходит к выводу, что слово «забожничье», скорее всего, происходит от слова «божница» (храм), что было предложено еще Н.М. Карамзиным в начале XIX в., и означает судебное заседание у церкви во главе с княжеским судьей. Такие судебные заседания могли происходить в погостах — локальных центрах новгородской сельской периферии.

Ключевые слова: Новгород, смерды, Ярослав Всеволодич, Новгородская первая летопись.

Summary The article is devoted to the mention of the enigmatic «zabozhnic'е» in the account of 6736 (1228) AD in the Novgorod First Chronicle. Two theories explaining the word (the legal one and the religious one) are both far from being convincing. The author puts forward his own interpretation based on historical as well as linguistic data and comes to the following conclusion: «zabozhnic'е» most likely derives from the word «bozhnitsа» (a church) which was hypothesized by Nikolai M. Karamzin as early as in the beginning of the 19th century, and means a court hearing chaired by the prince's judge near a church. Such court hearings might have taken place in pogosty — territorial units of the Novgorod agrarian hinterland.

Keywords: Novgorod, smerdy, Yaroslav Vsevolodich, Novgorod First chronicle.

¹ Автор выражает глубокую благодарность всем коллегам, принявшим участие в обсуждении этой работы или поделившимся своими советами и замечаниями, особенно С.В. Городилину, В.Б. Крысько, Д.В. Сичинаве. Больше всего мы, безусловно, обязаны А.А. Гиппиусу, не только советами, но и дружеской дискуссией. Никто из коллег, естественно, не несет ответственности за наши выводы (и возможные ошибки).

В Новгородской первой летописи под 6736 г. от «сотворения мира» (что соответствует 1228 г. от Р.Х.²) имеется следующее известие: «Тъгда (новгородцы. — П.Л.) отяша тысячьское у Вячеслава и даша Борису Нѣгочевичю, а къ князю послаша къ Ярославу [Всеволодичу] на томъ: “поеди к намъ, забожнице отложи, судье по волости не слати; на всеи воли нашей и на въсехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь; или ты собе, а мы собе”»³. В нем, в принципе, все понятно, кроме того, что такое «забожничье», и почему против этого «забожничьего» протестовали новгородцы.

Известие принадлежит к официальной новгородской владычной летописи — основе НПЛ — и, скорее всего, как установил А.А. Гиппиус, связано с творчеством летописца архиепископов Спиридона и Далмата, причем записано оно было, по-видимому, в 1230 или 1231 гг. ретроспективно, в ходе описаний бурных событий нескольких предшествующих лет⁴. В любом случае, изучая нарративный источник, следует искать общую логику всего повествования в целом, а не предлагать для каждого отдельного его элемента объяснения *ad hoc*. Тем более это так, если анализируемые известия действительно продукт творчества одного летописца — автора повествования о бурных событиях в Новгороде в эти годы.

Исторический контекст известия таков. В 1225 г. новгородским князем вместо сына Всеволода Большое Гнездо и брата тогдашнего владимирского князя Юрия Всеволодича Ярослава становится Михаил Всеволодич из черниговских Рюриковичей. После этого, по словам летописца, «бысть льгько по волости Новугороду». Михаил надолго, однако, в Новгороде не задержался. Новгородцы вновь призывают Ярослава Всеволодича и в следующем, 1226 г., он вновь вступает на новгородский стол. Весной-летом того же года из-за внешнеполитических предприятий Ярослава опять обостряются отношения между ним и новгородцами. Не отказываясь от новгородского княжения, он уходит вместе с женой в Переяславль Суздальский (Залесский) и оставляет в Новгороде своих сыновей Федора и Александра (будущего Невского). В результате стихийных бедствий начинаются беспорядки, с владычной кафедры прогоняют управляющего ею Арсения и возвращают ушедшего на покой архиепископа Антония. После этого происходят события, о которых говорится в процитированном выше известии: новгородцы приглашают Ярослава при условии, в частности, отмены «забожничьего». Эти условия, однако, приняты не были

² См. о дате: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 269.

³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 67.

⁴ *Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004–2005. М., 2006. С. 213–215.

(или в Новгороде победила радикально настроенная антисуздалская партия), и сыновья Ярослава вместе с его людьми бегут из Новгорода, а в 1229 г. туда возвращается Михаил Черниговский. Летописец при этом подчеркивает, что новгородцы были рады «своему хотѣнию». Радость объясняется так: князь «цѣлова крестъ на всѣи воли новгородьстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ; и вда свободу смърдомъ на 5 лѣт дании не платити, кто сбежалъ на чюжую землю, а симъ повеле, кѣто сде живеть, яко уставили переднии князи, тако платите дань». Далее сообщается об избрании архиепископом Спиридона⁵.

Что касается самого известия о забожничьем, то в более позднем новгородском летописании оно остается практически неизменным⁶. Однако уже московские книжники XVI в. явно не понимали, что такое «забожничье» (мало отличаясь в этом, добавим, от современных ученых). В Московском летописном своде этого известия нет, а в Никоновской летописи (*Нук.*) новгородцы обращаются к Ярославу Всеволодичу так: «Господине княже Ярославе Всеволодиче! поиди къ намъ въ Новъградъ, сверѣпства и гнѣва не дрѣжи, судей по волостемъ не шли, на всей волѣ Новгородцкой нашей буди, и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ изстаринныхъ Новгородцкихъ живи у насъ, ино ты князь нашъ, а мы твои; аще ли не тако, ино ты себѣ, а мы себѣ»⁷. Непонятное «забожничье» составитель Ник. заменил понятным, хотя и расплывчатым, «свирепством и гневом».

Относительно забожничьего выдвигались различные предположения⁸. В настоящее время актуальны две основные концепции, которые условно можно назвать социально-правовой и религиозно-языческой. Первую наиболее последовательно обосновал М.Н. Тихомиров. В своей трактовке он опирался на словарь В.И. Даля, где представлено значение глагола «забожить» — «присвоить неправую божбою, где нет улик, забожиться — начать божиться, стать клясться». Историк выдвинул на этом основании осторожное предположение, что в летописи могли подразумеваться люди и земли, захваченные князем

⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 64-68.

⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 273 («забожничье отложи»); ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 207 («забожничье отложи»); ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4. Ч. 2: Новгородская пятая летопись. Вып. 1. С. 202 («забожничье отложи»). В Новгородской Карамзинской и Софийской I летописях это известие отсутствует. Не было его и в Кратком новгородском летописце, о чем свидетельствует его отсутствие в летописях, наиболее точно отражающих этот источник: Летописце епископа Павла и Новгородской Большаковской летописи, а также в Летописи Авраамки и Рогожском летописце.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 96. Источником Никоновской в данном случае, видимо, была Новгородская V летопись (см.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 148).

⁸ См.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 461, сноска 112.

и его людьми путем односторонней «клятвы» перед судом. С событиями в деревне связал Тихомиров и указание летописи на рассылку судей по волости⁹. Важным и ценным в этой интерпретации является обращение к зафиксированной в словаре лексике, учет контекста и попытка осмыслить стоящие за летописным известием социально-экономические и правовые реалии.

Религиозную трактовку «забожничьего», причем сразу в трех вариантах, активно продвигал Б.А. Рыбаков. Сначала он предположил, что забожничье было введенным Ярославом новым налогом на тех смердов, «которые открыто выполняли языческие обряды»¹⁰. В 1986 г. Рыбаков писал, что после «бурного народного мятежа новгородцы обратились к князю с просьбой о прекращении “забожничей” [sic!], судя по всему, репрессий за бесчинства против церкви»¹¹. В 1987 г. историк уже уверенно утверждал, что «забожничье» было специальным налогом, которым откупались от князя люди, «вернувшиеся к языческой обрядности»¹². Развил предположения Рыбакова И.Я. Фроянов. По его мнению, забожничье действительно было пошлиной, которая выплачивалась за отправление языческого культа, но распространялась она не только на тех, кто вернулся к язычеству, но и на «тех жителей Новгородской волости, которые не порывали с язычеством»¹³.

Языческая интерпретация «забожничьего» не только не имеет никаких оснований в источниках (единственным побудительным мотивом для ее появления послужил, видимо, предполагаемый корень *-бог-* в слове «забожничье»), она невероятна уже потому, что превращает клирика — владычного летописца фактически в заступника крипто-язычников. В летописи требования новгородцев излагаются вполне сочувственно, а характер новгородского летописания как владычного — доказанный факт¹⁴. Поэтому правильным представляется поиск возможной разгадки в русле социально-правовой концепции.

«Некий судебный сбор», платеж за осуществление княжеского суда видел в забожничьем Д.Г. Хрусталева, но почему он носил такое название, не пояснил¹⁵. Интересную трактовку забожничьего предложил А.А. Фролов. Им-

⁹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975 (1-е изд. М., 1955). С. 220.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского Средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 24–25.

¹¹ Рыбаков Б.А. Культура средневекового Новгорода // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 305.

¹² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 686.

¹³ Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012. С. 406.

¹⁴ Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись... С. 114–251.

¹⁵ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 364–365, примеч. 536.

плицитно подразумевая происхождение этого обозначения от выражения «за бога», исследователь отождествил забожничье с десятиной, которые князя пытались собирать с Заволочья (о посылке князьями судей туда идет речь в договорах Новгорода с князьями)¹⁶. При совершенно верном, на наш взгляд, направлении поиска, конечный вывод исследователя должен быть несколько скорректирован. Может сложиться впечатление, что исследователь имеет в виду выдвинутое новгородцами требование отмены церковной десятины (а не передачи права на ее сбор «мужам новгородским», как и других даней). Кроме того, и эта интерпретация предполагает, по-видимому, загадочного *забожника (об этом будет говориться ниже). Недавно к теме забожничьего обратился В.В. Коршаков. Он правильно, на наш взгляд, основывается на трактовке М.Н. Тихомирова, развивая ее. В суждениях В.В. Коршакова есть немало нового и ценного. Он обратился к материалам народных говоров, собранных в «Словаре русских народных говоров», к данным договоров Новгорода с князьями, а также к историческому контексту, представленному в летописи. Исследователь пришел в итоге к следующему выводу: Ярослав Всеволодич попытался собрать налоги вторично, нарушив тем самым установленный порядок их сбора. Именно таким чрезвычайным налогом, вызвавшим возмущение новгородцев, и было забожничье. Само слово «забожничье» Коршаков объясняет как «нечто полученное в результате “выхода за края договора”, на котором “божились” стороны, то есть в результате нарушения договора»¹⁷. Это, пожалуй, самое слабое место предложенной трактовки. Дело в том, что у слова «забожить», с которым автор предположительно связывает забожничье, судя по словарям говоров, значения «нарушить договор» нет¹⁸.

¹⁶ Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012. Т. 1. С. 130–131.

¹⁷ Мы ссылаемся на находящуюся в работе рукопись В.В. Коршакова, посвященную, в частности, этому сюжету и любезно присланную автором.

¹⁸ Словарь русских народных говоров (далее – СРНГ). Л., 1972. Вып. 9. С. 261. Забожничью посвятил только что вышедшую статью А.А. Гиппиус, с рукописью которой он любезно нас ознакомил. Исследователь предлагает видеть в «забожничьем» налог на военные нужды, название которого происходит от слова «забогь» (фонетического варианта древнерусского «сапогь») (Гиппиус А.А. «Сапожный» налог Ярослава Всеволодича (1228 г.) // Disablót: Сборник статей коллег и учеников к юбилею Елены Александровны Мельниковой. М., 2021. С. 297–305). Важную роль в построениях ученого играет наличие в латышском языке слова *zābaks*, которое может происходить от русского *забогь, что подтверждает реальность бытования этого слова в древненовгородском диалекте. Здесь было бы некорректно вступать в развернутую полемику, но отметить, что, несмотря на остроумность этой гипотезы, мы не можем ее принять по целому ряду причин, главными из которых (но отнюдь не единственными) являются несоответствие историческому контексту (вне интерпретации оказываются даже княжеские судьи, прямо упоминающиеся в требованиях новгородцев) и отсутствие во всех списках летописей формы «сапожничье» при том, что форма «забогь» (в отличие от сапога) в древнерусских источниках не встречается вообще.

Приходится констатировать, что, несмотря на немалые усилия исследователей и сделанные ими разнообразные и весьма ценные наблюдения, имеющие отношение к теме, до сих пор убедительная интерпретация забожничьего в литературе отсутствует. Мы попытаемся предложить свою гипотезу, которая призвана по возможности учесть всю совокупность имеющихся фактов, не требовать конъектур или обращения к редким, не зафиксированным в источниках формам (и связанных с ними произвольных толкований) и не противоречить лингвистическим данным. Разумеется, речь идет только о гипотезе, которая ни в коей мере — в условиях исключительной скудости имеющихся у нас сведений — не претендует на то, чтобы быть истиной в последней инстанции и лишь должна стимулировать дальнейшую дискуссию.

Представляется, что в поисках ответа на интересующий нас вопрос надо опираться на две «реперные точки»: исторический контекст (интерпретация, сколь бы формально она ни была убедительной или яркой, не должна противоречить тому, что в критике текста называется *Sitz im Leben*, но, наоборот, должна максимально экономным образом объяснять всю совокупность имеющихся фактов) и значение самого слова.

Что касается значения слова, то «забожничье», к сожалению, — гапакс. Все словари древнерусского языка дают значение «особый вид налога» или «вид пошлины», но исходят они явно не из самого слова, а из контекста единственного известного упоминания¹⁹. Значительно более интересна ситуация с народными говорами. Еще в словаре В.И. Даля, на что в свое время ссылался М.Н. Тихомиров, содержится (с пометкой «ниж[егородское]») глагол «забожить» — «присвоить неправую божбою, где нет улик», с примерами: «Занял, да забожил, и пропали мои денежки. Забоженое ребром (боком) выпрет»²⁰. В «Словаре русских народных говоров» также есть этот глагол: забожить, -божу, божишь — присвоить себе что-либо, божась при этом, что не брал; присвоить чужую вещь. Примеры приводятся из самых разных говоров (ярославских, олонецких, владимирских, нижегородских, пермских): «Забожил у меня вожжи, бог с им», «Дам топора, а только не забожи себе совсем»²¹. В новгородском и псковском областных словарях это слово не зафиксировано, но в карельском, который охватывает в том числе территорию, в Средневековье входившую в Новгородскую землю, оно есть: «*Забожить* — *взять*,

¹⁹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 896; Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – СлРЯ XI–XVII). М., 1978. Вып. 5. С. 136; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 281.

²⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 569.

²¹ СРНГ. Вып. 9. С. 261.

присвоить что-н. Вы наловили, а я вашу рыбу, присвою проще-то сказать»²². Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в приведенных в словарях примерах нет никакой «божбы», т. е. клятвы. Складывается впечатление, что, если она когда-то и подразумевалась, то к моменту фиксации память о ней выветрилась (как, например, о шлеме в глаголе «ошеломить»). «Забожить» в этом значении — это просто несправедливо присвоить, примерно то же, что в современном разговорном языке «зачитать» или «заиграть».

Можно ли установить какую-либо связь между «забожить» = «присвоить» и забожничьим статьи НПЛ? С точки зрения *Sitz im Leben* такая связь была бы практически идеальной. Если считать, что «забожничье» было неким побором, который с позиции новгородцев был незаконным, такое толкование объяснило бы всю ситуацию. Михаил Всеволодич в 1225 г. обеспечивает «легкость» для новгородских волощан-смердов, что, надо полагать, соответствует, с точки зрения новгородского летописца, «старине», установленной «передними князьями». Вокняжившийся в следующем году Ярослав заменяет легкость на тягость: вводит некий побор, воспринимающийся новгородцами как незаконный, и для его сбора или, может быть, скорее, для разбирательства с теми, кто его отказывается платить, рассылает княжеских судей по волости. Это становится одной из причин обострения отношений между ним и новгородцами, и вернувшийся Михаил провозглашает «оттепель». Суть ее вызывала споры между историками²³, но, как нам кажется, вполне убедительное толкование было дано еще А.И. Никитским: смысл постановления Михаила Всеволодича состоял в освобождении смердов, бежавших в трудной ситуации из Новгородской земли в другие земли от даней на пять лет в случае возвращения, те же смерды, которые остались, должны платить столько, сколько было определено прежними князьями (т. е. теми, кто правил до Ярослава Всеволодича)²⁴. По факту это, очевидно, было возвращение к той самой «легкости по волости», о которой применительно к действиям Михаила в 1225 г. говорилось в летописи. Элементом этого «облегчения» могла стать и отмена забожничьего. А.И. Никитский справедливо указывает на то, что в последующие времена такого рода льготы были совершенно обычными для привлечения сельского населения.

Такая трактовка имеет, однако, трудно преодолимый недостаток — саму лексему «забожничье». Если считать забожничье названием побора типа весчего, ловчего и т. д., оно по идее должно подразумевать наличие некоего *забожьника, который, так же, как весец или ловчий выступал бы в качестве должностного лица, в пользу которого осуществлялся такой сбор (и тогда

²² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995. Вып. 2. С. 82.

²³ См.: Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования... С. 461–464.

²⁴ Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 280–281.

«забожничье» нужно понимать, как субстантивированное притяжательное прилагательное). Теоретически представимы гипотетические конструкции, которые предусматривали бы такого «забожника», так же, как можно предположить, что «забожником» могли (пейоративно) называть самого князя, который обложил новгородских смердов невиданным доселе побором. Однако такие догадки будут в любом случае носить характер искусственных гипотез *ad hoc*: никакого *забожьника древнерусские источники не знают.

Аналогично обстоит дело с возможностью вывести забожничье из словосочетания «за бога» через посредство «забожника» как лица, типологически соответствующего известным по церковному уставу Владимира Святославича задушным людям или позднейшим захребетникам. Однако если о задушных людях неизвестно практически ничего, кроме того, что они, скорее всего, были вольноотпущенниками²⁵, то важнейшая особенность статуса захребетников, как показывают новгородские писцовые книги XV в., состояла как раз в том, что они как раз не участвовали в тягле²⁶.

Можно, конечно, представить, что раздражение у новгородцев вызвала попытка Ярослава обложить данью ранее необлагаемые ею группы сельского населения — лиц, у которых отсутствовало собственное устойчивое хозяйство, но для этого придется сделать целый ряд маловероятных допущений, в то время как никаких «задушных» или «захребетных» податей неизвестно. Но главное не в этом. С учетом того, что множество захребетников жило на чужих дворах²⁷, приходится предполагать нечто совершенно невероятное для русского XIII в. — что Ярослав Всеволодич попытался ввести даже не подворную подать, а нечто вроде подати подушной. Это было бы явным анахронизмом.

Существует, однако, еще одна возможность. Еще Н.М. Карамзин связал забожничье со словом «божница». В примечании к «Истории государства Российского» он предположил, что это могла быть дань, собиравшаяся с немецких церквей в Новгороде, поскольку божницами «преимущественно именовались у нас Латинские храмы»²⁸. Объяснение, предложенное историком, совершенно невероятно (никаких даней с католических храмов на ганзейских дворах в Новгороде никогда не собиравлось, а больше ника-

²⁵ Свердлов М.Б. Задушный человек // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014. С. 286.

²⁶ Сергеевич В.И. Древности русского права. М., 2006 [1911]. Т. 3: Землевладение. Тягло. Порядок обложения. С. 113–115; Шаниро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 193.

²⁷ Сергеевич В.И. Древности... Т. 3. С. 113.

²⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. М., 1991. Т. 2/3. С. 622–623, примеч. 324.

ких «немецких церквей» там не было; божницами могли называть и русские православные храмы, в том числе весьма известные²⁹), но сама мысль о связи забожничьего с божницами кажется очень интересной.

Прежде всего, такое толкование подходит с лингвистической точки зрения и, видимо, существенно лучше, чем вариант с (нигде не зафиксированным) забожником. По своей форме «забожничье», скорее, может быть не субстантивированным притяжательным прилагательным (в таком случае ожидалось бы *забожничее), а существительным типа заручье, залучье, Завеличье и т. д., где приставка за- указывает на географическое положение³⁰. Таким образом, «забожничье» может быть чем-то, что совершалось «за божницей», т. е. за зданием церкви.

Можно ли обосновать такую связь с точки зрения *Sitz im Leben*? Думается, что да. Для этого надо обратиться не к летописи, а к другим источникам. В ряде договоров Новгорода с князьями содержится положение о закладниках. Впервые — в интересующей нас форме — оно встречается в договорной грамоте Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 г.³¹: «А что закладниковъ за Гюргемь³² на Торожку или за тобою, или за кн[я]гинею, или за мужи твоими: кто купецъ, тотъ въ сто; а кто смердъ, а тот потягнетъ въ свои погость; тако пошло Новегородъ, отпустите ихъ проць»³³. Устанавливается, таким образом, связь смердов с *погостами*.

О погостах существует большая литература и ведутся дискуссии. Однако очевидно, что это были податные и судебные центры на подвластной Новгороду территории.

Еще С.Б. Веселовский отмечал, что важнейшим атрибутом погоста в новгородских владениях была *церковь*. Для более позднего времени известно, что «трапезная погостской церкви была местом, где происходили суды, выборные старосты производили раскладку и сбор податей и где периодически по праздникам... происходили братчины и пиры»³⁴. Предпо-

²⁹ Ср., например: «испсаша божницу Антонову» о соборе в Антониевом монастыре, или в той же летописной статье о новгородских храмах: «и съ божницъ [буря] вълны раздыра» (ПСРЛ. Т. 3. С. 21).

³⁰ Благодарю за консультацию В.Б. Крысько и Д.В. Сичинаву. Предположение о лингвистической связи «забожничьего» с божницей принадлежит В.Б. Крысько.

³¹ О датировке см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 147–150.

³² Имеется в виду племянник Ярослава Ярославича, сын его брата Андрея Ярославича Юрий Андреевич (см.: Янин В.Л. Новгородские акты... С. 150).

³³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949 (далее – ГВП). № 3. С. 13.

³⁴ Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.; Л., 1936 (Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марра. Вып. 139). С. 16.

лагается, что в XIII–XV вв. приходские (погостские) центры становились местом сбора податей и, скорее всего, тесно связанного с этим проездного суда³⁵. В XV–XVII вв. на Севере, в бывших новгородских владениях, в роли присутственного места выступала трапеза — пристройка к церкви. Она была «и волостным правлением, и полицейским участком, и нотариальной конторой, и местом мирского питья ссыпного пива»³⁶.

Далее, достаточно очевидной представляется связь «забожничьего» с судом. Летописное известие, в котором фигурирует «забожничье» («забожнице отложи, судье по волости не слати») очень напоминает установление из проекта договора Новгорода с великим князем Михаилом Ярославичем (внуком Ярослава Всеволодича) 1305–1307 гг.: «А вязчего не пошло по Новгородской волости, то судиям твоим отложить»³⁷. Попытки игнорировать это совпадение вряд ли могут быть убедительны. «Вязчее», между тем, — это, скорее всего, выплата представителю власти, служилому человеку князя, за задержание беглого холопа³⁸. В договоре за сбор вязчего отвечают княжеские судьи, что вполне понятно, так как розыск, опознание и водворение беглого к хозяину подразумевали судебные-следственные процедуры. Характерно, что в этой роли фигурируют именно судьи, а не **вязаць*, к которому этимологически восходит, вероятно, название этой выплаты. Совершенно то же, как мы полагаем, относится и к забожничьему.

О том, что погосты имели отношение и к суду, свидетельствуют самые разные источники, в том числе и достаточно близкие по времени к событиям конца 20-х гг. XIII в. берестяные грамоты³⁹. Известна, например, пространная берестяная грамота № 531, которая по стратиграфическим данным датируется концом XII — первой половиной XIII вв., а по внестратиграфическим — первым 20-летием XIII в. (!). В ней, в частности, говорится о вызове истцом ответчицы «во погосто» для официального судебного разбирательства⁴⁰. В берестяной грамоте № 154 (20-е гг. XV в.), которая представляет собой протокол судебного заседания, прямо указывается, что оно «диялось на погостѣ, на торгѣ»⁴¹. Погостские «божницы», скорее всего, и стояли на торгу.

³⁵ Фролов А.А. Административная система... С. 140–141.

³⁶ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913. С. 31–32.

³⁷ ГВНИ. № 7. С. 18. О датировке см.: Янин В.Л. Новгородские акты... С. 152–155.

³⁸ Горский А.А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019. С. 83.

³⁹ Платонова Н.И. Древнерусские погосты – новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 328–388.

⁴⁰ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 416.

⁴¹ Там же. С. 672.

Статья 25 Псковской судной грамоты эксплицитно говорит о том, что вызов на судебное разбирательство должен совершаться на погосте у церкви (между прочим, из этого следует, что локация таких процедур, скорее всего, имела и символическое значение, связанное с принесением клятвы перед служителями культа и церковными зданиями, что могло стимулировать и выбор такого обозначения, как «забожничье»): «А которой позовник поидет исца звати на суд, и той позваныи не поидет на погост к церкви позывницы чести, или стулится от позывницы, — ино позывница прочести на погосте пред попом»⁴².

Имеются, наконец, бесспорные свидетельства того, что суд новгородского тысяцкого в самом Новгороде вершился именно рядом с «божницей» — с церковью св. Иоанна на Опоках на Торгу. Это было установлено договором Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г.: «А будет ссора между немцами и новгородцами, кончать ссору на дворе святого Иоанна (*up sente Johannis hove*) перед посадником, тысяцким и купцами»⁴³. Из документов новгородско-ганзейской переписки мы узнаем, что такие судебные заседания проходили перед церковью св. Иоанна на Опоках. Есть даже крайне любопытный документ — послание немецкой купеческой общины в Новгороде властям Ревеля от 9 августа 1426 г., в котором ганзейские купцы жалуются на тысяцкого. Тот, вопреки «крестоцелованию» (*krucekussinge*) и «старому обычаю» (*older wonheit*), вершит суд не «перед церковью святого Иоанна» (*vor Sunte Johannesse*). В ответ на это рассерженный тысяцкий заявил, что и в немецких городах приговоры фогтов считаются законными, где бы их ни выносили — «будь то у ратуши, или в своих домах, или на улице» (*alze under deme rathuse, offte in eren husen, offt oppe der straten*)⁴⁴. Несмотря, однако, на полемический задор, становится понятным, что нормальным местом судебной процедуры считалась

⁴² Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси / Сост. А.А. Зимин. С. 289.

⁴³ ГВНП. № 31. С. 60.

⁴⁴ *Hansisches Urkundenbuch* / Bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1905. Bd. 6. № 638. S. 359. Союз *under* в средненижнемецком языке, на котором написано это послание (как и сохранившийся текст договора 1269 г.) мог означать как «под ч.-л.», так и «в ч.-л.», и «рядом с ч.-л.» (*Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Bd. 3. T. 2. Lfg. 36–37 / Bearb. von J. Meier und D. Möhn. Neumünster, 2013. Sp. 215). Первое значение, однако, не подходит по смыслу, второе же кажется маловероятным, так как рядом стоит обычное *in [eren husen]*. Да и общий контекст предполагает, что тысяцкий имел в виду именно возможность судить у себя дома vs суда в законном месте — у храма: тысяцким тогда был, по-видимому, Оникий Власевич, о котором нам точно известно, что несколько ранее, летом 1425 г. он действительно разбирал дело ганзейских купцов в частном доме — в гостях у «старейшего посадника» Фомы (см. об этом: *Лукин П.В.* Ганзейский документ 1425 года и проблема новгородских «старых посадников» // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 5(23) (URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes/1/i.1086055/?id=1569488> (дата обращения: 06.05.2021)).

площадка рядом с общественными зданиями. В Новгороде это были, прежде всего, храмы (божницы).

Подведем предварительные итоги. Наша интерпретация, которая, как представляется, не противоречит лингвистическим законам и историческому контексту, учитывает всю совокупность имеющихся фактов, не требует сложных допущений и цепочек гипотез *ad hoc*, состоит в следующем. Если южнорусские и смоленские князья уважали новгородскую «старину» и не стремились к расширению объема своей власти в Новгородской земле (следствием чего и была отмеченная в летописи «легкость» по волости), но зато и готовы были в любой момент бросить Новгород, то политика сына Всеволода Большое Гнездо, который в свое время фактически подчинил себе республику, была, очевидно, иной. Он стремился к реальной власти. Одним из рычагов для этого и стало, как нам кажется, забожничье — судебные заседания в новгородских погостах, которыми руководили княжеские судьи. Основным объектом юрисдикции князя было местное сельское население — смерды, судебные штрафы с которых он присваивал.

О том, что это могло быть именно так — и смерды могли совершать деяния, которые князь мог рассматривать как подлежащие его юрисдикции, и князь мог хотеть эту юрисдикцию осуществлять — свидетельствует отчет ганзейских посланников о миссии в Новгород 1292 г. Они, в частности, рассказали, что служилый человек новгородского князя (которым тогда был внук Ярослава Всеволодича Дмитрий Александрович) в ответ на претензии по поводу разграбленного у ганзейцев товара в Новгородской земле заявил в присутствии представителя Новгорода: «При чем тут князь? У господина князя этого имущества нет, это имущество у вас, новгородцев, и вы его поделили с вашими смердами. [Это] ваши смерды, и поэтому по закону вы должны отвечать»⁴⁵. Естественно, при большем контроле ситуации князь мог сам заставить «отвечать» новгородских смердов в подобных случаях. Естественно, и сами новгородцы считали важнейшей обязанностью князя «блюсти смердов». Соответствующие претензии были прямо предъявлены еще в 1136 г. князю Всеволоду Мстиславичу, в ходе событий, приведших к так называемой новгородской «революции»⁴⁶, и, как мы полагаем, подра-

⁴⁵ Quid ad regem? Dominus rex bona illa non habet, vos Nogardenses bona illa habetis, et ea cum smerdis vestris divisistis. Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere (Лукин П.В., Полевых С.В. Латинское послание о новгородско-ганзейских посланий 1292 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья / Отв. ред. Б.Е. Рашковский. М., 2020. С. 366, 369).

⁴⁶ «А се вины его творяху: 1, не блюдет смердь...» (ПСРЛ. Т. 3. С. 24). См. об этом: Никитский А.И. Очерк... С. 279–280.

зумевались в требованиях об отмене забожничьего, адресованных Ярославу Всеволодичу.

Тут можно вспомнить и то, что эксплуатация сельской периферии была важнейшим источником дохода новгородского политического сообщества, и зафиксированные в договорах с князьями требования новгородцев «держати» новгородские волости не князьими мужами, а мужами новгородскими, а также содержащиеся там ограничения — временные и локальные — деятельности княжеских судей, чтобы понять всю степень их негодования, отразившуюся в летописи⁴⁷. Не исключено, что временной контекст имеет прямое отношение к требованию об отмене забожничьего. В древнейшем сохранившемся договоре (точнее, проекте договора) Новгорода — с князем Ярославом Ярославичем (1264 г.) есть положение: «А куда пошл[о] судии твоему ездити по волости, ехат[и и и]мъ межень по Петровѣ [д]ни» (т. е. в середине лета, после праздников апостолов Петра и Павла 12 июля)⁴⁸. Требование отмены забожничьего было выдвинуто новгородцами зимой — тогда, когда по новгородской «старине» князь мог не иметь права рассылать по волости своих судей.

Мы не настаиваем на том, что «забожничье» было *terminus technicus*. Вполне возможно, это было окказиональное обозначение, коннотации которого для новгородцев были явно негативными⁴⁹. И здесь какую-то роль могло сыграть и известное по говорам бытование глагола «забожить» (присвоить). Князь и его судьи, может быть, в этом контексте воспринимались (в рамках народной этимологии) как «забожники» — лица, незаконно присваивающие не принадлежавшие им по «старине» полномочия и соответствующие выплаты.

Литература

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.; Л., 1936 (Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марра. Вып. 139).

⁴⁷ См. об этом: *Флора Б.Н.* Новгородская земля в XII–XIII вв. // История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 133–134; *Фролов А.А.* Административная система... С. 132.

⁴⁸ ГВНП. № 1. С. 10. О датировке см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 142–146.

⁴⁹ Некоторое значение в плане параллели к «забожничьему» могут иметь загубский и зарморский оброки, которые взимались на Русском Севере в XVI–XVII вв., и название которых, хотя образованы иначе, чем «забожничье», также связаны с наименованиями определенных местностей (за речной, озерной или морской губами) (СлРЯ XI–XVII. М., 1978. Вып. 5. С. 177, 244).

- Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.
- Гиппиус А.А.* «Сапожный» налог Ярослава Всеволодовича (1228 г.) // *Disablót: Сборник статей коллег и учеников к юбилею Елены Александровны Мельниковой.* М., 2021. С. 297–305.
- Горский А.А.* Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского в 12-ти томах. М., 1991. Т. 2–3.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Лукин П.В.* Ганзейский документ 1425 года и проблема новгородских «старых посадников» // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23) (URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes/1/i.1086055/?id=1569488> (дата обращения: 06.05.2021)).
- Лукин П.В., Полехов С.В.* Латинское послание о новгородско-ганзейских посланий 1292 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья / Отв. ред. Б.Е. Рашковский. М., 2020.
- Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
- Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси / Сост. А.А. Зимин.
- Платонова Н.И.* Древнерусские погосты — новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 328–388.
- ПСРЛ. М., 2000. Т. 3, 4; Пг., 1917. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1; 1885. Т. 10.
- Рыбаков Б.А.* Языческое мировоззрение русского Средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 3–30.
- Рыбаков Б.А.* Культура средневекового Новгорода // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 298–313.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Свердлов М.Б.* Задушный человек // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014.
- Сергеевич В.И.* Древности русского права. М., 2006 [1911]. Т. 3: Землевладение. Тягло. Порядок обложения.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995. Вып. 2.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 9.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5.

- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1.
- Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.
- Флоря Б.Н.* Новгородская земля в XII–XIII вв. // История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 129–138.
- Фролов А.А.* Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. Т. 1 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012. С. 110–154.
- Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
- Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012.
- Хрусталева Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1.
- Шатило А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987.
- Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913.
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Hansisches Urkundenbuch / Bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1905. Bd. VI. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Bd. III. T. 2. Lfg. 36–37 / Bearb. von J. Meier und D. Möhn. Neumünster, 2013.